

ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЛАТОВ ЮРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

**Социальные функции
теневой экономики
в институциональном развитии
постсоветской России**

Специальность:

22.00.03 «Экономическая социология и демография»
(специализация 22.00.03-06 «Девиантное поведение в экономике»)

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора социологических наук**

Тюмень – 2008

Диссертация выполнена на кафедре экономической социологии
Государственного университета – Высшей школы экономики

Научный консультант: доктор экономических наук, профессор
Рустем Махмутович Нуреев

Официальные оппоненты: доктор экономических наук, профессор
Розалина Владимировна Рывкина;
доктор экономических наук, профессор
Леонид Янович Косалс;
доктор социологических наук, профессор
Светлана Георгиевна Кирдина

Ведущая организация: Институт социологии
Российской академии наук

Защита состоится 21 ноября 2008 г. в 9.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.05 при ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 16, ауд. 113.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан _____ 2008 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор социологических наук, профессор

Ромашкина Г.Ф.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Проблемы теневой экономики стали одними из наиболее важных как для России, так и для многих стран мира. Некоторые разновидности теневой деятельности (наркобизнес, коррупция, финансирование терроризма...) признаны угрозами национальной экономической безопасности, их справедливо включают в число глобальных проблем современности.

Для мира в целом актуальность изучения теневой экономики связана с тем, что современная мировая цивилизация находится в нестабильном, переходном состоянии. Эту нестабильность связывают с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу, а также с реструктуризацией современной мир-экономики. Переход от одной общественной системы к другой всегда вызывает всплеск маргинальных, опасных для общества форм социально-экономических отношений. Если их удастся локализовать, то общество благополучно минует кризисный период своего развития (как это было в Западной Европе нового времени). Если же маргинальные отношения разрастаются, то может произойти цивилизационная катастрофа, отбрасывающая общество назад. Поскольку теневые экономические отношения угрожающе растут в большинстве стран мира, поиск путей их локализации становится одним из аспектов выживания современной мировой цивилизации.

Для России актуальность проблем теневой экономики еще более высока, поскольку наша страна переживает двойной шок. На общемировой кризис перехода от индустриального к постиндустриальному обществу накладывается кризис перехода от командной экономики к рыночному хозяйству. Поскольку Россия занимает в современной мир-экономике (полу)периферийное положение, то трудности саморазвития усугубляются негативными последствиями ее неполноправного статуса в системе мировых геоэкономических отношений. Оба эти фактора привели к тому, что в 1990-х гг. Россия пережила «криминальную революцию», последствия которой являются главной угрозой национальной безопасности. Выживание России как самобытной цивилизации требует эффективного противодействия теневой экономике.

Для формирования системы эффективного контроля над теневой экономикой необходимо комплексно проанализировать ту роль, которую теневые социально-экономические отношения играют в институциональном развитии общества.

Степень научной разработанности проблемы. Системное изучение теневой экономики и на Западе, и в нашей стране началось относительно недавно. Социологическая и экономическая науки XIX в. игнорировали теневые стороны экономической жизни, считая их маловажными. Хотя первый опыт экономико-математического моделирования преступности сделал еще в конце XVIII в. Ч. Беккариа¹, однако его попытка не оказала никакого влияния на развитие экономической науки. В социологии пристальное изучение экономико-криминологических проблем началось с 1930-х гг., когда американский социолог-криминолог Э. Сатерленд разработал концепцию «беловоротничковой преступности», согласно которой скрытая, противоправная деятельность является органическим компонентом повседневной деловой практики «большого бизнеса»². Изучение теневой экономики в рамках социологической и экономической теорий стало активно развиваться лишь в последней трети XX в. под влиянием институционализма – расположенного на стыке социологии и экономики парадигмы обществоведения, представители которого обращают приоритетное внимание на социальные аспекты («правила игры») хозяйственной жизни.

Первый «прорыв» в изучении преступности как социально-экономического явления связан с именем знаменитого американского экономиста Г. Беккера. В 1968 г. он опубликовал статью «Преступление и наказание: экономический подход», где анализировал преступность как деятельность рационального индивида, максимизирующего свою выгоду³. Второй прорыв произошел в начале 1970-х гг., после сенсационного открытия английским социологом К. Хартом неформального сектора экономики в Африке. После этого социологи и экономисты Запада стали активно изу-

---

¹ Беккариа Ч. Аналитический опыт о контрабанде // Экономика и математические методы. 2002. Т. 38. Вып.4.

² Сатерленд Э.Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // Социология преступности. (Современные буржуазные теории.) М.: Прогресс, 1966. С.45-59.

³ Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход // Истоки. Вып. 4. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 28 – 90.

чать неформальную экономику как важный элемент экономической жизни как развивающихся, так и развитых стран. Изучение теневых экономических отношений в странах социалистического лагеря начинает бурно развиваться с 1980-х гг., после работ Г. Гроссмана и А. Каценелинбойгена⁴. Позже эстафету в изучении российской теневой экономики у советологов приняли транзитологи – специалисты по переходной экономике (С. Джонсон, Д. Кауфманн, Д. Трейзман, А. Шляйфер и др.)⁵.

Объектом активного внимания советского обществоведения теневая экономика стала только в конце 1980-х гг. (работы А.И. Гурова, Т.И. Корягиной, А.А. Крылова, О.В. Осипенко, М.А. Шабановой и др.)⁶. Со второй половины 1990-х гг. поток отечественной литературы о проблемах теневой экономики стремительно растет – ею занимаются социологи (С.Ю. Барсукова, В.В. Волков, Л.Я. Косалс, А.Н. Олейник, В.В. Радаев, Р.И. Рывкина, Г.А. Сатаров, Л.М. Тимофеев и др.), экономисты (Ю.В. Андриенко, С.П. Глинкина, М.Й. Левин, В.М. Полтерович, В.Л. Тамбовцев), криминологи (Г.И. Гилинский, Т.Г. Долгопятова, В.М. Есипов, В.О. Исправников, В.В. Колесников, А.А. Крылов, В.Д. Ларичев, В.В. Лунеев, В.С. Овчинский, П.А. Скобликов и др.), статистики (И.Д. Масакова и др.), историки (А.Ю. Давыдов), политологи (Л.В. Гевелинг)⁷.

Можно сказать, что в конце XX в. сформировалась своего рода «тенелогия» – междисциплинарная сфера научных исследований (как правило, на стыке социологической, экономической и криминологической наук), посвященных неформальным (особенно, нелегальным) институтам хозяйственной жизни.

Социально-экономические исследования российской теневой экономики развиваются не одно десятилетие, однако многие ее фундаментальные аспекты до сих пор остаются почти вне поля внимания обществоведов. Серьезным препятствием, в

---

⁴ Каценелинбойген А. Цветные рынки в Советском Союзе // Экономическая теория преступлений и наказаний. Реферат. журнал. Вып. 4. Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. Часть 2. Статьи. Библиография. М.: РГГУ, 2002.

⁵ См., например, обзоры в: Экономическая теория преступлений и наказаний. Реферат. журнал. Вып. 4. Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. Часть 1. Рефераты. М.: РГГУ, 2002.

⁶ Обзор отечественной литературы конца 1980-х - начала 1990-х годов по проблемам теневой экономики см. в: Кербер С. О теневой экономике // Проблемы прогнозирования. 1992. № 6. С.111-113.

⁷ Обзор развития отечественных исследований теневой экономики в 1990-2000-е гг. см.: Латов Ю.В., Нестик Т.А. Что виновато – «плохие» законы или культурные традиции? // Общественные науки и современность. 2002. № 5.

частности, является, подсознательная установка большинства отечественных исследователей на то, будто «бум» теневых экономических отношений – это уникальный феномен постсоветской России (или экс-советских стран). В результате обществоведы ограничиваются изучением лишь сугубо современных событий, забывая про мегатенденции развития социально-экономических систем. Между тем для правильного понимания причин развития теневой экономики и эффективного конструирования политики по ее ограничению надо видеть более широкий горизонт событий.

Для изучения теневой экономики необходимо пользоваться данными и методами не только социологии и экономики, но также компаративистики и исторической науки. Именно такой междисциплинарный подход позволит, по мнению диссертанта, наиболее корректно проанализировать социальные функции теневой экономики в институциональном развитии.

Новая парадигма изучения роли теневой экономики в жизни общества уже начала отражаться в научной литературе. Один из подходов – это концепция *enforcement* в работах американских экономистов М. Олсона и Ф. Лейна, которые трактуют государство как «оседлого бандита», рассматривая тем самым преступную деятельность как органический элемент процессов политогенеза⁸. Другой – это трактовка перуанским неинституционалистом Э. де Сото генезиса капитализма в Западной Европе как своеобразной «криминальной революции» против отжившей меркантилистской регламентации⁹. Среди отечественных социологов к пониманию теневой экономики как органического, во многом позитивного элемента хозяйственной жизни подошли В.В. Волков, исследователь нелегального «силового предпринимательства», которое компенсировало слабость легальной защиты прав собственности¹⁰, и С.Ю. Барсукова, рассматривающая теневую экономику как ключевой компонент теневых механизмов политической жизни¹¹. К пониманию теневой эко-

---

⁸ Олсон М. Распределение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста // Экономика и математические методы. 1995. Т. 31. Вып. 4. С. 53-81; Lane F. Profit from Power. Albany: State University of New York Press, 1979.

⁹ де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 1995; де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001.

¹⁰ Волков В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.

¹¹ Барсукова С.Ю. Сращивание теневой экономики и теневой политики // Мир России. 2006. Т. XV. № 3.

номики как института, играющего системообразующую роль в постсоветской экономике, пришли Л.Я. Косалс и Р.В. Рывкина¹². Однако эти исследования касаются только советской/постсоветской России, без аналогий с другими странами и историческими эпохами.

«Белым пятном» в исследовании специфики теневой экономики разных стран остается анализ ее взаимосвязи с особенностями национальных хозяйственных культур. После того как в 1980-е гг. начались исследования по количественному сравнительному анализу национальной ментальности, стало возможным получение основанных на данных массовых опросов, выводов о корреляции склонности к теневым экономическим практикам с ментальными ценностями. Исследования в данном направлении начались в России лишь в 2000-е гг. – их ведут московские экономисты-социологи (с участием диссертанта) и экономсоциологи Тюмени¹³.

Диссертант ставит задачу объединить теоретические наработки своих предшественников и создать целостную концепцию социальных функций теневой экономики в институциональных преобразованиях – как в масштабах мировой истории, так и конкретно в России современной эпохи.

Основная гипотеза исследования. Теневая экономика является социально-экономическим феноменом не последних четырех десятилетий, когда ее стали активно изучать, а практически всей цивилизованной истории человечества. Длительное существование теневых экономических отношений позволяет выдвинуть гипотезу, что *теневая экономика – социально-экономический институт (комплекс институтов), который выполняет в жизни общества определенные функции, как деструктивные (разрушительные), так и конструктивные (созидательные).*

Диссертант доказывает, что как масштабы, так и соотношение позитивного и негативного влияния теневой экономики на развитие общества меняются в зависимости от того, на какой фазе развития находится общество.

---

¹² Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социологические исследования. 2002. № 4.

¹³ Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф. Современная российская коррупция – общее и особенное // Экономика преступлений и наказаний. Вып. 9-10. «Экономика и право» для регионалистики. «Экономика и право» для экономической истории. М.: РГГУ, 2006.

Значение теневых экономических отношений велико в переходные, бифуркационные периоды, когда общество переходит от одной социально-экономической системы к другой. Формальные институты в такие периоды проявляют высокую инерционность, изменяются слишком медленно. Поэтому именно теньевая экономика как система неформальных институтов становится важным, объективно играющим позитивную роль, *механизмом институциональных инноваций*.

После того как общество переходит на новый аттрактор, конструктивное влияние теневой экономики уменьшается, но не исчезает – теньевая экономика во многом *дублирует те функции, которые выполняют легальные институты*. Однако в периоды движения по аттрактору сильнее проявляется деструктивное влияние теневых экономических отношений, поскольку теньевая функция начинает активно выполнять функцию *утилизатора отживших экономических институтов*.

Предмет, объект, цель и задачи исследования. Диссертант рассматривает теньевую экономическую деятельность как институт хозяйственной жизни общества, имманентно ей присущий и органически связанный с другими социально-экономическими институтами. Таким образом, *объектом* диссертации является теньевая экономика как элемент общественной системы. *Предметом* же анализа выступает взаимовлияние нелегальных (теневых) и легальных социально-экономических институтов, регулирующих хозяйственную жизнь.

Основная *цель* диссертации состоит в раскрытии функций теневых экономических отношений в институциональном развитии общества – как деструктивных (негативных), так и конструктивных (позитивных), – а также в формулировании принципов эффективного противодействия теневой экономике, которое становится возможным только на основе полного учета этих обеих функций теневой хозяйственной деятельности.

Данная цель предполагает решение следующих исследовательских *задач*:

- уточнение структуры теневой экономики с точки зрения возможностей воздействия теневых отношений на официальную экономику;

- выявление тех функции, которые выполняет теневая экономика в системе социально-экономических институтов;
- анализ форм и результатов взаимодействия теневой экономики с легальной;
- выявление той конкретной позитивной роли, которую сыграли теневые экономические отношения в реформировании экономики СССР/России;
- анализ того, в какой степени современная российская теневая экономика является угрозой национальной экономической безопасности;
- формулирование практических рекомендаций по противодействию развитию в России теневых экономических отношений.

Методологическая основа исследования. Теоретическую и методологическую основу диссертации составляют труды отечественных и зарубежных обществоведов – прежде всего тех, которые специализируются в экономической социологии, экономической теории, криминологии и социальной психологии.

Фундаментальной методологической основой диссертационного исследования является структурный функционализм, классиками которого являются Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и Р. Мертон. Это значит, что теневая экономика рассматривается как функционально значимый структурный элемент системы экономических институтов. Кроме того, в диссертации используется *институциональная парадигма*, которая рассматривает социально-экономическое развитие как поиск более эффективных «правил игры». Диссертант использовал идеи обеих версий институционализма – как «старого», который обращает основное внимание на неформальные (ментальные) институты, так и «нового» (неоинституционализма), анализирующего в основном роль формальных (правовых) институтов.

Наиболее активно использовались идеи представителей *экономической социологии*, которые доказывают органичность теневых отношений в российской экономике и чья методология близка к экономическому институционализму, – С.Б. Барсуковой, В.В. Волкова, В.В. Радаева, Р.В. Рывкиной, Л.Я. Косалса, Л.М. Тимофеева¹⁴.

---

¹⁴ Барсукова С.Ю. Неформальная экономика. М.: ГУ-ВШЭ, 2004; Косалс Л. Теневая экономика как особенность российского капитализма // Вопросы экономики. 1998. № 10; Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий. 1998; Рывкина Р.В.

Сильное влияние на формирование авторской концепции оказали работы таких специалистов по *институциональной экономике* как А.А. Аузан, Г. Беккер, Р. Коуз, А.А. Крылов, Р.М. Нуреева, А.Н. Олейник, Э. де Сото, В.Л. Тамбовцев¹⁵.

Для анализа закономерностей исторической эволюции теневой экономики большое значение имели идеи *институциональной экономической истории* – прежде всего, концепций К. Поланьи и Д. Норта¹⁶.

Кроме того, в диссертации активно использовались идеи *этнометрии* – основанного голландским социальным психологом Г. Хофстедом количественного измерения и анализа показателей национальной ментальности и их корреляции с различными социально-экономическими характеристиками¹⁷.

Основным использованным в работе прикладным методом исследования является сравнительный анализ – сравнение явлений во времени и в пространстве. В работе применялись также стандартные методы математической статистики (прежде всего, дискриптивной статистики), использованные для обработки собранной диссертантом новой эмпирической базы при помощи SPSS. Производился расчет корреляции по Пирсону между индексами Хофстеда и показателями участия в повседневной теневой экономике.

Эмпирическая база исследования. Для исследования степени участия россиян в теневой экономической деятельности, а также взаимосвязи между участием в теневой экономике и ментальными ценностями диссертантом в 2003-2004 гг. было организовано социологическое анкетирование в трех областных центрах (Туле, Ставрополе и Тюмени) по репрезентативной выборке (1869 респондентов). Выбор

Российское общество как теневая социально-экономическая система // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 4; Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция. Очерки теории. М.: РГГУ, 2000; и др.

¹⁵ Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. Под общей ред. д.э.н., проф. А.А. Аузана. М.: ИНФРА-М, 2005; Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: «Дело ЛТД» при участии изд-ва «Catallaxu», 1993; Нуреев Р.М. Политическая экономия. Докапиталистические способы производства. Основные закономерности развития. М.: Изд-во МГУ. 1991; Олейник А.Н. Институциональная экономика. М.: ИНФРА – М, 2000; Тамбовцев В.Л. Институциональный рынок как механизм институциональных изменений // *Общественные науки и современность*. 2001. № 5. С. 25-38; и др.

¹⁶ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997; Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

¹⁷ Hofstede G.H. Culture`s consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. 2nd ed. Sage Publications, 2001.

городов Тулы, Ставрополя и Тюмени был обусловлен тем, что они представляют три качественно разных типа российских регионов (Центр, Юг и Восток). На основе собранной базы данных впервые в России измерена зависимость участия в теневой экономике от хофстедовых ментальных характеристик респондентов.

В диссертации использованы также данные общероссийского опроса (1750 респондентов) по репрезентативной выборке, посвященного отражению проблем коррупции и борьбы с нею в общественном сознании россиян. Этот опрос был организован летом 2007 г. в 19-ти субъектах Российской Федерации сотрудниками Центра региональных исследований Института социологии РАН при личном участии диссертанта как научного консультанта.

При работе над диссертацией автор также использовал данные исследований теневой экономики, проводимых другими отечественными и зарубежными обществоведами.

Научная новизна диссертации. Представленная к защите диссертация является первым в России комплексным теоретическим исследованием теневой экономики, основанным на трактовке ее как института (комплекса институтов), являющегося органическим компонентом хозяйственной жизни.

Диссертация содержит следующие выводы, характеризующиеся в значительной степени научной новизной.

1. Доказано, что все сегменты теневой экономики независимо от того, насколько сильно или слабо они связаны с легальной экономикой, являются органическими элементами институциональной системы, образуя одну из ее подсистем.

2. Выделены три основные социальные функции, выполняемые теневой экономикой в институциональном развитии, - функции механизма институциональных инноваций, дубликата господствующих институтов и институциональной утилизации.

3. Проанализированы закономерности эволюции теневой экономики, диверсификация ее структуры и рост пространственных связей, отражающие влияние на теневую экономику легальных институтов.

4. Путем критического анализа аргументов за юридическое запрещение «вредных благ» доказано, что эти аргументы не имеют экономического обоснования, а потому развитие прогибиционизма следует объяснять социологическими закономерностями – конструированием и демонтажем протестантской хозяйственной этики как антигедонистической культуры.

5. Исследованы подходы к пониманию национальной экономической безопасности России с точки зрения их взаимосвязи с основными парадигмами экономической науки и доказано, что для постсоветской России наиболее актуальной трактовкой является неинституциональная, акцентирующая внимание на борьбе с «проблемами государства» - формировании институтов «правления права».

6. Доказано, что теневые экономические отношения сыграли важную прогрессивную роль на начальных этапах рыночной модернизации российской экономики, создавая конструктивные институты, способствующие втягиванию в рыночные отношения всех основных социальных групп советского общества.

7. Сделан вывод, что после прохождения точки бифуркации при переходе от командной экономики к рыночному хозяйству теневые экономические отношения стали оказывать на российскую экономику преимущественно деструктивное влияние, тормозя формирование эффективной российской модели рыночного хозяйства и являясь тем самым угрозой национальной экономической безопасности.

8. Приведены новые доказательства того, что важными факторами развития теневых экономических отношений являются ценностные ментальные стереотипы (в частности, доказана корреляция между показателями участия в повседневной теневой экономике и индексами национальной ментальности по Г. Хофстеду).

9. Сделан вывод, что правоохранные органы современной России являются не только механизмом противодействия теневым экономическим отношениям, но и элементом самих этих отношений.

10. Сделан вывод, что решающую роль в борьбе с теневой экономикой должны играть не столько прямые силовые действия правоохранительных органов,

сколько саморазвитие и сознательное конструирование неформальных институтов, отрицающих теневую экономику.

Положения, выносимые на защиту. Основное содержание диссертации заключается в следующем.

1) С точки зрения анализа теневой экономики как органической части хозяйственной жизнедеятельности общества наиболее целесообразно пользоваться трехчастной схемой структуры теневой экономики:

- «беловоротничковая» теневая экономика не производит новых экономических благ, она неотделима от легальной;

- «серая» теневая экономика производит те же экономические блага, что и легальная экономика, но вне государственного контроля;

- «черная» теневая экономика наиболее автономна от легальной, поскольку производит официально запрещенные блага.

2) В развитии общества теневая экономика играет тройную роль – она является одновременно механизмом «нащупывания» институциональных инноваций, дубликатом господствующих институтов и механизмом «отбраковки» старых институтов (их утилизации). В каждой из этих ипостасей теневая экономика выполняет в отношении к легальной экономике как конструктивные, так и деструктивные функции.

3) Легальная экономика оказывает обратное влияние на теневую, в результате чего теневая экономика перенимает многие черты легальной: умножается отраслевая диверсификация, растет системная связанность отдельных сегментов теневой экономики – от локального до международного уровня.

4) На начальных этапах рыночной модернизации стран бывшего социалистического лагеря теневые экономические отношения играли преимущественно конструктивную роль, став важной частью механизма рыночных реформ. Они втягивали в реформы советскую номенклатуру, помогали выживать малоимущим и средним слоям населения, обеспечивали бизнесменам минимальный уровень защиты прав собственности.

- 5) На более поздних этапах рыночных преобразований стала превалировать деструктивная составляющая теневых экономических отношений, ставших постепенно главной угрозой национальной экономической безопасности. «Беловоротничковая» теневая экономика тормозит развитие конкурентных отношений в бизнесе. «Серая» теневая экономика стала школой массового уклонения от любого регулирования хозяйственной жизни. Наконец, «черная» теневая экономика генерирует распространение внеэкономического принуждения, идущего вразрез с принципами рыночного хозяйства.
- 6) Поскольку теневая экономика является органической подсистемой современной экономики, ее невозможно ликвидировать, но можно ограничить. Поиск путей противодействия теневым экономическим отношениям должен вестись конструированием как формальных, так и, что более важно, неформальных институтов, маргинализирующих теневую экономику в общественном сознании россиян.

Теоретическая и практическая значимость работы. Полученные результаты имеют большое значение, прежде всего, для развития институциональной теории – как социологической, так и экономической. Одной из ключевых проблем институционализма является вопрос о соотношении значения формальных и неформальных институтов в жизни общества. Идущая от работ Р. Коуза неоинституциональная традиция уделяет приоритетное внимание институтам формального права, считая нелегальную экономику относительно второстепенным элементом социально-экономических систем. Сформулированная в диссертации концепция доказывает высокую значимость неформальных институтов и потому требует изменения приоритетов развития институциональных исследований.

Поскольку теневая экономика является объектом деятельности правоохранительных органов, постольку выводы диссертации имеют и практическое значение. Признав теневую экономику органическим элементом институционального развития общества, следует внести коррективы в фундаментальные принципы работы правоохранительных органов. Это связано, прежде всего, с переосмыслением ее це-

лей, которыми следует считать не уничтожение теневой экономики, а оптимизацию ее масштабов и форм.

На основе анализа ментальных ценностей и стереотипов россиян диссертантом вместе с коллегами из Института социологии РАН по заказу правительственного агентства сформулирован ряд практических рекомендаций для эффективной организации противодействия развитию в России коррупции.

Полученные в диссертации результаты могут использоваться для подготовки и повышения квалификации социологов, экономистов и юристов, разработки конкретных программ борьбы с разными видами теневых экономических отношений.

Апробация и внедрение основных результатов исследования. Диссертация является обобщением многих теоретических и эмпирических работ автора за последнее десятилетие.

Результаты диссертации использованы автором при подготовке и чтении следующих курсов: «Теневая экономика» – на Тульском факультете Московского университета МВД, в Российском государственном гуманитарном университете и в Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова; «Институциональная экономика» – в Российской Экономической Академии им. Г.В. Плеханова и в Международном университете (Москва); «Сравнительный анализ экономических систем» – в Российской Экономической Академии им. Г.В. Плеханова и в Государственном Университете – Высшей Школе Экономики; «Модели становления рыночной экономики» – в Российской Экономической Академии им. Г.В. Плеханова.

Результаты и концептуальные идеи диссертационного исследования докладывались на конференциях в МВШСЭН (Москва, январь 2001 г., январь 2002 г., январь 2003 г.), на международной конференции «Экономическая деятельность работников милиции: масштабы, причины и последствия» (Москва, февраль 2003 г.), на электронной конференции на Федеральном образовательном портале «Экономика. Социология. Менеджмент» по книге «Экономические субъекты постсоветской России» (октябрь-декабрь 2003 г.), на научно-практическом семинаре «Неформальная занятость в республике Коми: диагноз ситуации, региональная модель защиты работни-

ков неформального сектора экономики» (Сыктывкар, апрель 2005 г.), на 4-й международной научной конференции «Проблемы современной экономики и институциональная теория» (Украина, г. Донецк, март 2006 г.), на 8-й международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие» (Москва, апрель 2007 г.), на 5-й международной научной конференции «Проблемы современной экономики и институциональная теория» (Украина, Донецк, апрель 2007 г.), на международной конференции «Проблемы финансовой политики постсоциалистических стран» (Монголия, Улан-Батор, сентябрь 2007 г.), на общероссийской научно-практической конференции «Экономика и право» (Санкт-Петербург, март 2008 г.), на 9-й международной научной конференции «Модернизация экономики и глобализация» (Москва, апрель 2008 г.) и др.

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрывается актуальность проведенного исследования, степень разработанности темы, определены цель, задачи, объект и предмет исследования, его методологическая и теоретическая база, сформулирована научная новизна, показаны теоретическая и практическая значимость и апробация результатов проведенного исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Диссертация имеет две части. Состоящая из трех глав I-ая часть (**«Теневая экономика как институциональная подсистема»**) имеет общетеоретический характер. Состоящая тоже из трех глав II-я часть (**«Теневая экономика в институциональной трансформации постсоветской России»**) конкретизирует общетеоретические выводы применительно к российской транзитивной экономики.

В I-ой части диссертации теневая экономика рассматривается как относительно целостный организм, мегаинститут, типичный для всех цивилизованных обществ. Сначала дан анализ ее структуры (гл. 1), затем – выполняемых ею функций (гл. 2) и, наконец, ее влияния на легальную экономику (гл. 3). Все эти вопросы изу-

чаются, чтобы понять, какую роль играет теневая экономика в развитии общества в целом и, соответственно, в какой степени ее можно считать угрозой национальной экономической безопасности.

1-ая глава диссертации, **«Структура теневой экономики»**, посвящена социально-экономической характеристике теневой экономики как предмета анализа. Эта глава носит методологический характер, поскольку здесь дается обоснование используемому далее базовому понятийному аппарату.

Указывается, что и в отечественной, и в зарубежной научной литературе, посвященной экономической деятельности, связанной с нарушением норм формального права, до сих пор не закрепились общепринятая терминология – ее называют и криминальной, и нелегальной, и теневой, и неформальной, и «черной», и параллельной. Это объясняется тем, что современный анализ теневых экономических отношений, имеет два истока – экономическую теорию преступности (economics of crime) и экономико-социологические теории неформальной экономики (informal economy). Хотя эти два направления активно сближаются и взаимодействуют, комплексной теории теневой экономики пока так и не сложилось, что и находит отражение в несогласованности понятийного аппарата. Сближению двух течений препятствуют различия базовых моделей поведения правонарушителей: если экономисты-неоинституционалисты, последователи Г. Беккера, акцентируют внимание на сознательном выборе нарушения закона, то последователи К. Харта и Э. де Сото, изучающие неформальный сектор социологи, подчеркивают вынужденный характер нелегальной деятельности.

В отечественной научной литературе уже в конце 1980-х гг. наиболее общепринятым понятием для обозначения «экономики вне закона» стало выражение «теневая экономика». В ее трактовке в русскоязычной литературе есть три основных подхода – учетно-статистический (теневая экономика – то, что скрыто от официальной статистики), формально-правовой (теневая экономика – экономическая деятельность, скрывающаяся от закона) и оптимизационно-этический (теневая экономика – всякая вредная для общества экономическая деятельность, скрывающаяся от общест-

венного контроля). Хотя все три определения по-разному очерчивают границы теневой экономики, но согласованно отмечают главный ее признак – скрытый характер.

Критикуя третий подход как идеологизированный, диссертант синтезирует первые два и предлагает определять *теневую экономику* как *систему социально-экономических отношений, осуществляемых с нарушением формальных (правовых) институциональных ограничений и скрываемых от официальной статистики*.

Сравнение понятия «теневая экономика» с другими, активно используемыми в отечественной научной литературе, показывает, что за различием используемых терминов скрываются различия в понимании как сущности, так и, самое главное, субъектов и объектов изучаемых явлений. Так, ключевое в трудах С.Ю. Барсуковой понятие «неформальная экономика» в российском понятийном дискурсе теряет заложенную в этот англоязычный термин морально-критическую оценку и объединяет в один конструкт опасные для общества криминальные виды деятельности с совершенно неопасной экономикой домохозяйств. Поскольку обсуждение проблем теневой экономики необходимо, прежде всего, для понимания угроз экономической безопасности, такая понятийная схема оказывается неудачной. Очень продуктивным является предложенное Л.В. Гевелингом понятие «негативная экономика». Однако оно ограничивает предмет исследования откровенно криминальными явлениями и несет чрезмерный заряд осуждения, предполагая необходимость действий по полному искоренению «негатива».

Диссертант предлагает собственный подход к типологизации субъектов и объектов теневых отношений, основанный на разграничении *повседневной* и *экстраординарной теневой экономики* (Табл. 1).

При выделении основных сегментов теневой экономики диссертант предлагает руководствоваться, как главным критерием, взаимосвязью теневых отношений с легальной («белой») экономикой. Использование этого критерия позволяет выделить три структурных элемента теневой экономики – «вторую», «серую» и «черную» теневую экономику (Табл. 2).

Таблица 1

Типологизация теневой экономики по степени повседневности

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ	Повседневная теневая экономика	Экстраординарная теневая экономика
Субъекты	Рядовые работники	Представители элиты (криминальной элиты, бизнес-элиты) и маргиналы
Объекты	Обычные товары и услуги	Запрещенные законом товары и услуги
Моральная оценка	Осуждается слабо, часто имеет этически нейтральную оценку, может даже одобряться (как «умение жить»)	Решительно осуждается как нарушение привычного «порядка вещей»

Таблица 2

Критерии типологизации теневой экономики

Основные признаки	Вторая («беловоротничковая») теневая экономика	Серая (неформальная) теневая экономика	Черная (криминальная) теневая экономика
Связи с «белой» экономикой	Неотрывна от «белой» экономики	Относительно самостоятельна	Автономна по отношению к «белой» экономике
Субъекты	Работники официального («белого») сектора экономики	Неофициально занятые	Профессиональные преступники
Объекты	Перераспределение доходов без производства либо производство запрещенных услуг	Производство обычных товаров и услуг	Производство запрещенных товаров и услуг
Конкретные разновидности	Коррупция, уклонение от налогов, приписки	Мелкий незарегистрированный бизнес, безконтрактный найм, контрафактное производство	Наркобизнес, рэкет, проституция, кражи, грабежи
Нарушаемые социальные нормы	Фискальные правила Юридические нормативы, определяющие сферу законных форм коммерции	Фискальные правила Законы и правила, регулирующие отношения собственности, коммерческое лицензирование, трудовые контракты, отношения финансового кредитования и социального страхования Правила, установленные требованиями правительственных статистических органов	Фискальные правила Юридические нормативы, определяющие сферу законных форм коммерции

В диссертации анализируются разные методы оценки масштабов теневой экономики и сделан вывод, что основной объем теневой экономической деятельности почти во всех странах дают «вторая» и «серая» теневая экономика. Масштабы теневой экономической деятельности сильно различаются в странах с различными социально-экономическими системами, но существует тенденцию к ее росту (абсолютному и относительному) практически по всем группам стран.

Высокая и растущая доля теневой экономики в национальной экономике практически всех стран мира означает, что теневые отношения существенно влияют на развитие экономической жизни. Этому посвящена 2-ая глава, **«Социальные функции теневых экономических отношений»**, где теневая экономика рассматривается как *необходимый для развития общества сектор хозяйственной жизни, в рамках которого происходит вызревание новых, дублирование существующих и угасание отмирающих формальных институтов.*

Сторонники структурного функционализма выделяют функции элементов социальной системы, как правило, с точки зрения их роли в стабилизации существующего общественного строя. Диссертант предлагает иной критерий – роль институтов в динамическом изменении социально-экономических систем. На основании этого критерия можно выделить три социальные функции теневой экономики - инновационную, дублирующую и утилизационную.

Институциональное новаторство всегда наталкивается на сопротивление сторонников традиционных норм, составляющих большинство в любом обществе. Поскольку законодательные нормы отражают волеизъявление большинства, стихийное рождение новых «правил игры», как правило, происходит с нарушением закона. Поэтому институциональное новаторство обязательно включает конкуренцию старых формальных (законных) и новых неформальных (незаконных) социальных практик. Итак, *первая функция теневой экономики – это институциональное новаторство.*

Данную закономерность можно проследить, прежде всего, в межсистемных сдвигах на примерах рождения капитализма (описанного Э. де Сото как «антимеркантилистская революция») и демонтажа советской командной экономики. Так, в СССР/России рубежа 1980-1990-х гг. многие рыночные институты (например, посредническая торговля) отнюдь не рождались на пустом месте, а всего лишь трансформировались из теневых в легальные. Именно советская теневая экономика сыграла главную роль в подготовке перехода от командной экономической системы к рыночному хозяйству.

Теневая экономика играет важную роль не только в межсистемных, но и во внутрисистемных сдвигах. Между возникновением спроса на новый институт и формированием соответствующего легального института проходит более или менее значительный промежуток времени, в течение которых действуют институты теневой экономики. Ярким примером инновационной функции теневых отношений, связанной с созданием новых организационных структур внутри той же самой социально-экономической системы, является институциональная коррупция эпохи перехода от капитализма свободной конкуренции к олигополистическому капитализму. В конце XIX в. в Соединенных Штатах, как и в России конца XX в., «бароны-разбойники» типа Джея Гулда или Джона Моргана едва ли не демонстративно нарушали законы, закладывая фундамент «большого бизнеса».

Вторая функция теневой экономики заключается в *дублировании господствующих в обществе социально-экономических институтов*. Множественность институтов, выполняющих схожие функции, ведет к постоянной конкуренции между ними, а тем самым к отбору лучших и совершенствованию работы всех участников институциональной конкуренции.

Тезис о теневой экономике как дубликate господствующих институтов наиболее очевиден в отношении «серого» (неформального) и «второго» («беловоротничкового») сегментов современной теневой экономической деятельности. В обоих случаях перед нами – рынок, на котором действуют законы конкуренции, а цена товаров и услуг формируется под влиянием спроса и предложения. Но и «черная» теневая экономика, основанная, казалось бы, на применении насилия, тоже является субститутom легальных институтов. Если рассмотреть организованную преступность с точки зрения теории организации, то можно выделить черты, сближающие преступную организацию (мафию) со всеми тремя типами экономических субъектов легальной экономики – и с фирмой, и с государством, и с домохозяйством.

В диссертации сделан вывод, что современная организованная преступность является, по существу, особой отраслью бизнеса – экономической деятельностью профессиональных преступников, направленной на удовлетворение считающихся

антиобщественными остродефицитных потребностей рядовых граждан. Организованная преступная группа интерпретирована как система неформальных (негласных) отношенческих контрактов, минимизирующих транзакционные издержки преступной деятельности (Рис. 1). Помимо функций фирмы мафия может выполнять функции государства. Ведь, занимаясь рэкетом, преступная организация продает услуги по защите прав собственности. Правоохранительные услуги всегда относят к числу общественных благ, производство которых монополизировало государство. Поэтому развитие рэкет-бизнес следует рассматривать как форму криминального политогенеза, создания теневого эрзац-правительства, конкурирующего с официальным правительством. Наконец, преступные организации имеют многие черты домохозяйств, когда внутри криминальной группы культивируются альтруистические взаимоотношения без ожидания наград, по типу отношений в архаичных общинах.

Рис. 1. Система неформальных контрактов преступной организации

Третья функция теневой экономики – это *функция утилизации*: в сфере теневых отношений «сбрасываются» элементы *отживших социально-экономических систем*. В теневой экономике эти устаревшие институты продолжают еще долго действовать, сохраняя потенциальную возможность пережить «второе рождение».

Поэтому разрастание теневых отношений часто означает регенерацию пережитых институтов, что ведет к торможению общественного развития.

Чтобы проследить институциональную утилизацию, диссертант выделяет, следуя К. Поланьи, основной долгосрочный (многовековой) тренд изменения системы правил социально-экономических взаимоотношений:

насилие → реципрокность → редистрибуция → рынок → альтруизм.

В обществе обычно параллельно действуют все пять метаинститутов. Однако значение стоящих в начале цепочки постепенно понижается, а значение стоящих в конце – растет. В теневой сфере тоже есть все эти метаинституты, но сильнее всего в ней представлены отношения, связанные с прямым насилием или с централизованным принудительным перераспределением.

Вытеснение «экономики насилия» из легальной сферы в теневую можно проследить на примере эволюции торговли людьми. Европейская цивилизация от античной свободы торговли любыми категориями людей перешла сначала к ограничению категорий тех, кем можно торговать, затем к запрету отдельных каналов работорговли, затем к запрету не только работорговли, но и близких к ней форм хозяйственной деятельности.

«Экономика редистрибуции» прошла цикл, близкий к эволюции «экономики насилия». Этот цикл можно проследить, анализируя развитие коррупции: западная традиция недискреционного регулирования, основанного на «правлении права», позволила вытеснить коррупцию в сферу теневой экономики и противостоять ей даже в период начавшейся в конце XIX в. «административной революции».

Выделенные три функции теневой экономики – инновационная, дублирующая и утилизационная – изменяются по определенной системе. Когда происходит рождение нового социально-экономического строя, то наиболее активно выполняются инновационная и утилизационная функции. Когда же общество прошло точку бифуркации и начинает развиваться по аттрактору, то инновационная и утилизационная функции отходят на задний план, более важной становится дублирующая функция. Наличие теневого сектора экономики делает развитие общества в целом более

устойчивым и безопасным, хотя в конкретные исторические периоды деструктивное влияние теневых отношений может превалировать над конструктивным.

Теневая экономика не только влияет на эволюцию легальной экономики, но и сама подвержена обратному влиянию, которое проанализировано в 3-ей главе **«Взаимодействие теневой экономики с легальной»**.

В социально-экономической истории теневой экономики, которая производна от истории легального сектора, можно выделить два этапа, примерно соответствующие фазам доиндустриального и индустриального обществ.

Едва возникло государство, налагающее на своих подданных определенные обязательства и ограничения, родилась и теневая экономика – внегосударственная деятельность лиц, игнорирующих “общественный договор”. Главное *содержание начального этапа истории теневой экономики* (в рамках доиндустриальных общественных систем) – это ее институционализация именно как теневой, *размежевание «нормальных» и «не-нормальных» форм получения дохода*. В частности, те явления, которые называют коррупцией и пиратством, в древних обществах были общими «правилами игры». К эпохе позднего средневековья взимание чиновником при исполнении служебных обязанностей поборов в свой карман начали считать уже нарушением «порядка» (пусть и очень частым), чреватым жестоким наказанием; занятие пиратством также перестали воспринимать как обыденный метод хозяйствования. Ни в одном из доиндустриальных обществ не сложилась теневая экономика как единая институциональная подсистема.

Трансформация доиндустриального общества в индустриальное вызвала в новое время буквально взрыв теневой деловой активности во всех ее видах. Раннее новое время можно считать первой в истории «великой криминальной революцией», когда нарушения формальных правовых норм стали обыденным явлением. Капитализм в собственном смысле слова прочно стал на ноги лишь тогда, когда протестантская этика санкционировала погоню за богатством в форме «честного бизнеса», допускающего конкуренцию, но исключаящего насилие и нарушение закона. Эпоха нового времени завершается легитимизацией одних форм теневого бизнеса (напри-

мер, банковской деятельности) и ужесточением борьбы с наиболее антисоциальными его формами (пиратством, коррупцией). Таким образом, первая «великая криминальная революция» привела к ревизии основополагающих институциональных норм и к коренному пересмотру критериев запрещенной экономической деятельности в соответствии с новыми нормами.

На протяжении *второго этапа истории теневой экономики* происходит *формирование устойчивых взаимосвязей между различными сегментами теневой экономики*. Теневая экономика как институциональная подсистема впервые рождается в раннее новое время: раннее предпринимательство включало негласный союз внецеховых предпринимателей и коррумпированных чиновников с шайками профессиональных контрабандистов и пиратов. После победы идеологии «невидимой руки рынка» этот союз распался, неформальность и профессиональная преступность на время почти исчезли как экономический институт. Однако когда в конце XIX в. «свободный рынок» начал угасать, вновь стал укрепляться «триумvirат» неформального предпринимателя, коррупционера и гангстера.

Новый взлет теневой экономики наблюдается со 2-ой половины XX в., что связано с глобальной трансформацией хозяйства. На этом, современном этапе развития теневой экономики резко повышается ее общественная опасность. Второй раз в истории (после «криминальной революции» нового времени) возникла ситуация массового и резкого разрыва между теми социальными нормами, которые считаются общепринятыми, и фактически действующими практиками хозяйственной жизни. Понимание кризисности этой ситуации приводит к официальному признанию многих видов теневой экономики угрозой национальной безопасности и даже глобальной проблемой современности.

Зависимость эволюции теневой экономики от развития легальной экономики можно проследить по двум основным аспектам:

- 1) изменение отраслевой структуры – диверсификация набора отраслей теневой экономики в процессе «обмена» ими с легальной сферой;

2) рост пространственных связей – переход, вслед за легальной экономикой, от уровня локальных систем к национальному, а затем и мировому криминальному хозяйству.

В процессе развития общества теневая и легальная сферы хозяйственной деятельности «обмениваются» друг с другом отраслями и видами хозяйственной деятельности. Одни отрасли, рождаясь в легальном секторе, вытесняются в затем в теневой сектор (так было с работоторговлей). Другие виды деятельности, наоборот, формируются сначала в теневом секторе, а затем легализуются (лоббизм). Многие виды деятельности не раз перемещались из «света» в «тень» и обратно (как, например, торговля наркотиками).

Набор входящих в теневую экономику видов хозяйственной деятельности диктуется тремя основными факторами – степенью формализации хозяйственной деятельности в целом, структурой институтов формальной регламентации и степенью развития наличного денежного оборота.

Первый фактор развития теневой экономики – набор социально обусловленных запретов, налагаемых на хозяйственную жизнь, т.е. на то, что считать запрещенными товарами и услугами, и на то, что считать запрещенными методами производства обычных товаров и услуг.

Таблица 3

**Эволюция общественных представлений о «вредных благах»
как отражение эволюции социально-экономической ментальности**

Этапы развития хозяйственной этики легальной экономической деятельности	Запреты на производство товаров и услуг
Древний мир: хозяйственная этика политеистических религий	Отсутствуют
Средневековье: хозяйственная этика авраамистских мировых религий	Канонические запреты на ростовщичество (до нового времени), на алкоголь (у мусульман) и табак (в Московии раннего нового времени)
Новое время: протестантская хозяйственная этика	Неформальные запреты на азартные игры, алкоголь, проституцию
Новейшее время: светская «общечеловеческая» хозяйственная этика, фактически отражающая протестантскую этику	Юридические запреты на аборт, азартные игры, наркотики, проституцию, алкоголь, торговлю трансплантатами, коммерческую эвтаназию

В диссертации проанализированы аргументы, при помощи которых доказывают необходимость административных запретов наркотиков, проституции, абортов

и т.д. Доказано, что юридическое запрещение отдельных товаров и услуг не имеет строгого экономического обоснования. Выдвинута гипотеза, что криминализация «вредных благ» имеет не столько экономическое, сколько социально обусловленное объяснение (см. Табл. 3). В таком случае запретительная система должна демонтироваться скорее по мере изменения культурных стереотипов, чем по мере снижения объективного вреда от потребления «вредных благ». Именно это и происходит в последние десятилетия: в развитых странах происходит постепенная декриминализация наркотиков и проституции несмотря на эпидемию СПИДа.

Если запреты на производство отдельных товаров и услуг сложились в целостную систему только в XX в., то запреты на отдельные методы их производства имеют более древнее происхождение. Именно эти запреты и являются главной причиной развития теневых экономических отношений.

Таблица 4

Диверсификация структуры теневой экономики как отражение состояния производства «общественных благ»

Состояние официальной системы производства «общественных благ»		Соответствующие этому состоянию теневые экономические виды деятельности
Государство производит нужные «общественные блага»	Государство контролирует доходы подданных/граждан	Уклонение от налогов как основа «серой» теневой экономики и как часть «второй» теневой экономики
	Государство контролирует доходы и расходы подданных/граждан	К уклонению от налогов добавляется «отмывание» денег как часть «второй» и «черной» теневой экономики
Государство не производит нужных «общественных благ»		Рэкет – теневая правоохранительная деятельность как часть «черной» экономики

Таблица 5

Диверсификация структуры теневой экономики как отражение эволюции производства «частных благ»

Состояние официальной системы производства «частных благ»	Соответствующие этому состоянию теневые экономические виды деятельности
Появление технологических секретов (эпизодически с древности, массовое – с XVIII в.)	Промышленный шпионаж
Переход к конкурентному производству «доверительных товаров», требующих сигналов о качестве (с XVIII - XIX вв.)	Контрафактное производство («торговое пиратство»)
Отделение собственности от управления капиталом (с XVIII-XIX вв.)	Преступления против акционеров (финансовое мошенничество)
Переход от свободной к олигополистической конкуренции (с конца XIX в.)	«Корпоративные» преступления, нарушающие правила конкуренции

Наборы доминирующих в разные эпохи видов «серой», «второй» и «черной» экономики отражают конкретно-историческое развитие легальных систем производства «общественных благ» (Табл. 4) и «частных благ» (Табл. 5).

Второй фактор изменения набора видов и типов теневой экономической деятельности – это изменение тех социальных организаций, следящих за выполнением регламентирующих правил, которые управляющая элита навязывает обществу.

Данная закономерность четче всего прослеживается на материалах эволюции «серой» (неформальной) теневой экономики. В зависимости от того, какие организации являются противником неформалов, от кого они скрывают свою деятельность, можно выделить три «этажа» неформальных экономических отношений. Обычно неформалов рассматривают как лиц, противостоящих *государству*, укрывающихся от правительственного контроля. Однако неформальный сектор может развиваться в оппозиции как к более низким, так и к более высоким формам общественных объединений, призванным контролировать хозяйственную жизнь общества. В первом случае речь идет об антагонизме между неформалами и различными *муниципальными и профессиональными сообществами* (внецеховое ремесло в средневековых городах), во втором – об их оппозиции *сообществу* многих *государств* (трансатлантическая работоторговля XIX в., современная подделка торговых марок, защищенных международным маркетинговым правом).

Третий фактор эволюции теневой экономической деятельности – это эволюция товарно-денежных отношений.

Натурально-хозяйственная жизнедеятельность не способствует развитию теневой экономики. Натуральное производство, как правило, жестко локализовано, не мобильно и потому не может быть укрыто от государственного или иного контроля и налогообложения. Теневые доходы должны быть максимально ликвидными и мобильными. Поэтому все теневики стремятся к накоплению денежного богатства. В силу этого монетизация теневой экономики обгоняет монетизацию экономики в целом. В сферу теневой экономики попадают, прежде всего, те виды деятельности, которые связаны с оборотом наличных денег (или иных ликвидных ценностей). На-

оборот, сферы, связанные с безналичным денежным оборотом и с активами низкой ликвидности, затронуты теневыми отношениями гораздо слабее.

Зависимость развития теневой экономики от развития налично-денежного оборота хорошо заметна, прежде всего, по тем историческим периодам, когда усиливались теневые отношения. Скажем, западноевропейская «криминальная революция» нового времени совпадает с «революцией цен», вызванной резким ростом находящегося в обороте золота и серебра. Российская «криминальная революция» 1990-х гг. также связана с превращением денег из преимущественно учетных единиц (как это было при «реальном социализме») в реальные средства накопления.

Постепенная демонетизация денежного обращения в развитых странах с последней трети XX в. привела к тому, что в наши дни факт наличия крупной суммы наличных денег воспринимается как самодостаточное доказательство причастности к теневой экономике. Поскольку движение потоков «электронных денег» отслеживать легче, чем наличных денег, это создало для участников теневых экономических отношений дополнительные трудности. Хотя статистика показывает общую тенденцию к росту теневой экономики, сокращение использования наличных денег играет роль тормозящего фактора, без которого теневая экономика росла бы еще сильнее.

В качестве «ответа» на виртуализацию денежных расчетов участники теневых экономических отношений используют два метода. С одной стороны, усилился спрос теневых структур на услуги профессиональных финансистов, умеющих «запутывать следы» денежных потоков. С другой стороны, начали создаваться теневые системы безналичных расчетов (типа «хавалы»), конкурирующие с официальной системой «электронных денег». В обоих случаях происходит усиление значения сферы теневых финансов, когда легализация тайных доходов становится наиболее важной частью теневого бизнеса – более важной, чем само получение этих доходов.

Теневая экономика, как и легальная, образует системы разных уровней. Одни виды теневых экономических действий (например, рэкет) развиваются в основном на уровне отдельного города. Другие тяготеют к формированию национальных сис-

тем (это относится, прежде всего, к коррупции). Третьи развертываются на международном уровне (например, контрабанда).

Степень локализации теневой экономики, как правило, отражает с некоторым запозданием степень локализации официальной экономики. В экономической истории развитых стран формирование национальных моделей экономики произошло в основном в XIX – первой половине XX вв., а во второй половине XX в. преобладающей тенденцией стало формирование мирового хозяйства. В теневой же экономике этих стран формирование национальных криминальных хозяйств произошло примерно во второй трети XX в. (этот процесс лучше отслеживается по развитию организованной преступности), а мировое криминальное хозяйство начало складываться только в последней трети XX в.

Национальные/региональные модели криминальной экономики отражают основные черты национальных/региональных моделей легальной экономики. Эта закономерность четче всего прослеживается на материалах социально-экономической истории организованной преступности: три наиболее известные гангстерские сообщества («Коза Ностра» в США, сицилийская мафия и японские якудза) отражают типичные особенности трех ведущих региональных моделей экономики.

Одной из новейших глобальных проблем современности стала проблема **криминальной глобализации**. Речь идет о том, что на мировое развитие все сильнее воздействуют нарушители правовых норм, пренебрегающие официальными «правилами игры». Проблема криминальной глобализации касается не только транснациональной организованной преступности и международных террористических организациях. Она связана также с деятельностью легальных фирм и правительств, которые перенимают методы преступников и занимаются нелегальной хозяйственной деятельностью (например, промышленным шпионажем) в глобальном масштабе.

Криминальная глобализация ведет к тому, что в конце XX в. мировое хозяйство начинает раздваиваться: одна его сторона – это легальные, «прозрачные» процессы; другая сторона – процессы нелегальные, теневые. Практически любой компонент легального мирового хозяйства обретает нелегального «двойника» (Табл. 6). В

процессе криминальной глобализации рождается мощное *мировое криминальное хозяйство* – система взаимосвязанных транснациональных преступных промыслов.

Таблица 6

Двойная структура современного мирового хозяйства

Основные компоненты легального мирового хозяйства	Основные компоненты нелегального мирового хозяйства
<i>Международное движение товаров окончательного потребления</i>	
Легальная торговля легальными товарами	Контрабанда – нелегальная торговля нелегальными (наркотики, оружие) и легальными (сигареты, автомашины) товарами
<i>Международное движение факторов производства</i>	
Легальная миграция рабочей силы	Нелегальная миграция, торговля людьми
Легальное движение сырьевых ресурсов (полезные ископаемые, древесина)	Контрабанда сырьевых ресурсов (нефть, алмазы, останки редких животных)
Легальное движение капиталов	Международное отмывание денег, финансирование терроризма, теневые системы перевода денег
Легальное движение информационных ресурсов («ноу-хау», патенты)	Экономический шпионаж, торговое «пиратство»

Широкое развитие нелегальной экономики в глобальном масштабе ведет к парадоксальному результату. Казалось бы, интеграция национальных хозяйств в единую глобальную сеть должна вести к росту контроля за экономикой. Такая тенденция действительно есть, но наряду с ней действует и диаметрально противоположная: многие географические области и сектора экономики выпадают из-под контроля государственных и общественных организаций. При этом они остаются интегрированными в мировое хозяйство; более того, именно интеграция в мировое хозяйство и стимулирует их специализацию на различных криминальных промыслах.

Во II-ой части диссертации общие положения I-ой части, доказывающей функциональность теневой экономики, конкретизируются для России последних десятилетий. В 4-й главе теневые экономические отношения рассматриваются как важный и, в общем, позитивный элемент рыночных реформ начала 1990-х гг., затем в 5-й главе они трактуются как угрозы современной экономической безопасности России. Финальная 6-я глава посвящена поиску оптимальных форм управления современным развитием теневых экономических отношений.

В 4-й главе рассматриваются **«Теневые экономические отношения как часть социального механизма рыночных реформ»**. Для стимулирования перехода России от командной экономики к рыночному хозяйству теневые экономические

отношения имели большое позитивное значение. Более того, теневые отношения играли в организации институциональных изменений во многом ключевую роль.

«Беловоротничковая» теневая экономика имела наиболее важное значение. Именно в ней в позднесоветскую эпоху у руководителей госпредприятий, «злоупотребляющих своим положением», начали формироваться базовые рыночные институты – рыночный обмен и частная собственность на производственные ресурсы.

В позднесоветской командной экономике благосостояние и престиж директора предприятия в решающей степени зависели от его умения «выбивать» дефицитные ресурсы и облегченные плановые задания. Оба эти вида деятельности были основаны на теневых экономических отношениях и имели прото-рыночный характер.

Институциональная коррупция или административный рынок, как называют эту теневую систему «правил игры», приводили к тому, что в позднесоветской системе участником нелегальных рыночных отношений был буквально каждый государственный менеджер. Именно эта тотальность теневых рыночных связей облегчила рыночную модернизацию 1990-х гг. – многие рыночные институты не создавались «с нуля», а лишь трансформировались из теневых в легальные.

Развитие прото-рыночных теневых отношений в номенклатурной среде вело к формированию и отношений частной собственности, постепенно сближающихся с институтами современного рыночного хозяйства. Хотя формально собственность считалась «общенародной», фактически все больший объем прав собственности переходил тем, кто ею распоряжался в процессе торгов на административном рынке.

Позднесоветская система теневых прав собственности во многом схожа с феодальной системой отношений собственности. В обоих случаях собственность реализуется через систему частичных прав разных лиц на получение личной выгоды (ренды) от объекта собственности и не является исключительной. Поэтому для анализа позднесоветского строя правомерно ввести категорию *«теневая административная рента»*, которая отражает институт, близкий к легальной феодальной ренте. То, что советские следователи, расследовавшие «узбекское дело» и другие аналогичные, трактовали как преступное сообщество, на самом деле похоже на средневековую

систему вассалитета, где собственники низшего звена передают часть рентных доходов собственникам высшего звена.

Конечно, эта система была далека от капиталистической частной собственности. Однако она создала устойчивую связь между объектами госсобственности и распоряжающимися ею государственными администраторами, которые стремились закрепить временную нелегальную «служебную» собственность в постоянную легальную личную. Именно поэтому «номенклатурная» приватизация 1992-1995 гг. прошла относительно быстро и безболезненно – юридические права получали в значительной степени те, кто и так раньше обладал фактическими правами.

Если «беловоротничковая» теневая экономика втягивала в рыночные отношения советскую элиту, то «серая» теневая экономика стала каналом вовлечения в рынок низших и средних слоев. С одной стороны, через нее прошли практически все мелкие предприниматели («челночничество», розничная торговля). С другой стороны, она стала каналом для широкого развития неформального трудового найма, создающего рынок труда. К России последних двух десятилетий полностью применима концепция Э. де Сото, трактующая неформальную экономику как механизм формирования массового, «народного» предпринимательства.

«Черная» теневая экономика сыграла в 1990-е гг. главную роль в создании институтов защиты прав собственности предпринимателей – защиты их имущества и гарантий выполнения заключаемых контрактов.

Поскольку позднесоветское и постсоветское предпринимательство развивались в теневой сфере, они принципиально не могло пользоваться услугами институтов легального инфорсменты. Роль защитника теневых прав собственности взяли на себя акторы все той же теневой экономики – структуры организованной преступности, занимающейся рэкет-бизнесом.

Исторически и логически первичной формой теневой защиты прав собственности предпринимателей в СССР/России являлась «бандитская крыша». С конца 1970-х гг. неорганизованные поборы «воров» с «цеховиков» были заменены планомерной выплатой подпольными предпринимателями 10% от их доходов в «воров-

ские общаки» в обмен на гарантированную безопасность от преступного мира. Бандитская «десятина» являлась устойчивым компонентом издержек российского предпринимательства до конца 1990-х гг.

Усиливающаяся конкуренция со стороны «коммерческих» и, особенно, «милицейских крыш» неизбежно вела к тому, что после бурного всплеска первой половины 1990-х гг. чисто криминальное силовое предпринимательство постепенно сокращалось. К концу 1990-х гг. под «бандитскими крышами» остались в основном те сегменты рынка, где высока доля нелегальных операций и где оплата происходит наличными (прежде всего, сфера розничной торговли).

Если обобщить данные о системах защиты прав собственности предпринимателей за последние 15 лет, то следует сделать вывод, что в России действует *плюралистическая система защиты прав собственности* (Табл. 7): легальная государственная правоохранительная деятельность (элемент №1) отчасти дополняется, отчасти подменяется двумя разновидностями нелегальной (элементы №3-6) и одной разновидностью легальной, но не государственной (элемент №2) правоохранительной деятельности. Эволюция этой системы привела к победе «милицейских крыш» над «бандитскими» и «коммерческими», что является закономерным результатом развития в России рыночного хозяйства как «бюрократического капитализма».

Таблица 7

**Плюралистическая система защиты прав собственности
в постсоветской России**

			БИЗНЕС	
			Легальный	Нелегальный
ЗА- ЩИ- ТА	Легальная	Государственная правоохранительная деятельность	№ 1	
		«Коммерческие крыши»	№ 2	
	Нелегальная	«Бандитские крыши»	№ 3	№ 5
		«Милицейские крыши»	№ 4	№ 6

В 5-й главе рассматриваются «Теневые экономические отношения как угроза национальной экономической безопасности» постсоветской России.

Современное обсуждение негативных тенденций экономического развития проходит в рамках дискурса, связанного с понятием «национальная экономическая безопасность». Теория социально-экономических систем позволяет объективно оп-

ределить это понятие. Любая национальная экономическая система постоянно находится в состоянии обновления. Ее безопасности служат те институты, которые способствуют прогрессивному развитию данной системы, а угрозой безопасности являются те, которые тормозят это развитие, ведут к сохранению и регенерации уже пережитых общественных отношений. Применительно к России рубежа XX-XXI вв. это значит, что главными угрозами национальной экономической безопасности являются те институты, которые тормозят формирование в стране эффективного рыночного хозяйства в форме современной смешанной экономики.

Теневые экономические отношения являлись катализатором формирования рыночной хозяйственной системы в постсоветской России. Однако теневая экономика выполняет не только функцию институционального инноваторства, но и функцию институциональной утилизации. Это значит, что она одновременно и ускоряет, и тормозит развитие общества. В России 1990-2000-х гг. теневая экономика не только стимулировала генезис рыночных институтов, но и консервировала многие институты советской командной экономики.

«Беловоротничковая» теневая экономика в постсоветской России серьезно тормозит развитие конкурентных отношений.

Уже в советской хозяйственной системе «беловоротничковые» теневые отношения одновременно и приучали к рыночным отношениям, и препятствовали конкуренции. Фактически существовала не одна, а две параллельные теневые экономики – рыночная (нелегальное производство дефицитных товаров) и командная (получение нелегальных личных привилегий благодаря личным связям). Этот дуализм теневой экономики вел к тому, что советская теневая экономика одновременно и ускоряла, и тормозила формирование «нормальных» рыночных институтов – она облегчала начало перехода от советской командной экономики к постсоветскому рыночному хозяйству, но затрудняла завершение этого перехода.

Институциональная коррупция в постсоветской России сохранилась и даже упрочилась. В новых условиях она превратилась в систему бюрократического давления на предпринимателей, что создает «экономику грабящей руки» (по классифи-

кации Т. Фрея и А. Шляйфера). Официальные должностные лица не помогают бизнесменам, но взимают с них налоги и дают административным контролем, вымогая коррупционные поборы. Вымогательство у предпринимателей, постоянные посягательства на их права собственности становятся нормой действий и нелегальных, и легальных структур, что крайне тормозит развитие отечественного бизнеса.

Коррупционные отношения пронизывают не только элитные структуры, но и жизнь рядовых граждан. Для определения степени развития бытовых коррупционных отношений в современной России диссертантом в 2004 г. было организовано экономико-социологическое исследование в трех районных центрах – Туле, Ставрополе и Тюмени. Как показали ответы респондентов, в коррупции участвует, пассивно или активно, подавляющая часть россиян (Табл. 8).

Таблица 8

Доля респондентов, участвовавших в коррупции (в %)

Вопрос анкеты: Приходилось ли Вам лично когда-либо сталкиваться с ситуацией, когда...	Никогда			Редко			Время от времени			Часто			Постоянно		
	Ст.	Тул.	Тюм.	Ст.	Тул.	Тюм.	Ст.	Тул.	Тюм.	Ст.	Тул.	Тюм.	Ст.	Тул.	Тюм.
Вы давали подношения ответственным лицам	25,5	44,4	30,6	40,7	28,8	38,3	19,3	21,0	20,6	12,2	4,2	7,9	1,7	0,9	1,6
Ответственные лица вынуждали Вас делать подношения	36,0	49,1	*	26,1	24,5	*	17,1	17,8	*	11,4	6,8	*	8,4	0,9	*
Доля тех, кому приходилось в своей жизни получать подношения **	77,1	75,2	49,7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

* При проведении анкетирования в Тюмени в анкету был включен вопрос о ситуациях, когда респондент давал подношения, без уточнений, давал ли он их по собственному желанию или его вынуждали давать.

** Для выяснения участия в получении подношений/взятки респондентам задавался вопрос «Если Вам приходилось принимать подношения, то что Вы получали?». Долю тех, кто не давал ответа на этот вопрос, можно интерпретировать как долю респондентов, никогда в своей жизни не получавших подношения.

Хотя бы иногда давали подношения от 2/3 до примерно 4/5 респондентов (в Ставрополе – 78,6%, в Туле 66,1%, в Тюмени 69,4%). Доля признавших в том, что

принимали подношения, оказалась значительно ниже, но все же весьма значительна – примерно 1/4-1/2 (в Ставрополе 22,9%, в Туле 24,8%, в Тюмени 50,3%). Ответы респондентов на вопросы, кому именно они часто дают «подарки» (Табл. 9), показывают, что главными взяткополучателями являются производители «общественных благ» (врачи, учителя, сотрудники правоохранительных органов, чиновники и т.д.).

Таким образом, сложившаяся в советскую эпоху институциональная коррупция сохраняется и в 2000-е гг. Тем самым производство общественных благ частично подменяется более архаичным реципрокным обменом и патрон-клиентскими отношениями.

Таблица 9

Систематически получающие подарки/взятки (% ответов респондентов)

Получатели подарков/взятки	Ставрополь	Тула	Тюмень
Врачи и другие медицинские работники	52,7	40,8	36,2
Учителя	27,6	29,6	34,8
Работники сферы услуг	21,5	23,9	36,1
Сотрудники правоохранительных органов	46,3	14,1	18,7
Чиновники	35,5	16,3	22,4
Работники коммунального хозяйства	24,7	19,9	14,2
Вышестоящие руководители	20,7	15,2	16,8

«Серая» теневая экономика в постсоветской России стала массовой школой правового нигилизма, приучая рядовых граждан к обыденности и повседневности нарушения норм закона.

Таблица 10

Доля респондентов, регулярно участвовавших в приобретении контрафактной продукции (в %)

Вопрос анкеты: Приходилось ли Вам лично когда-либо сталкиваться с ситуацией, когда...	Ставрополь		Тула		Тюмень	
	по выборке в целом	среди респондентов 18-40 лет	по выборке в целом	среди респондентов 18-40 лет	по выборке в целом	среди респондентов 18-40 лет
Вы покупали нелегализованные видео-и/или аудиозаписи	47,8	52,9	60,5	72,4	60,4	65,2
Вы покупали нелегализованное программное обеспечение	33,2	37,2	40,3	47,6	45,2	49,4

Судя по данным опросов в Ставрополе, Туле и Тюмени (Табл. 10), самая часто встречающаяся роль участия в неформальной хозяйственной деятельности – это роль покупателя, соучаствующего в нарушении прав производителей в процессе покупки контрафактной продукции. Доля тех, кто регулярно (хотя бы «время от времени») покупает контрафактную продукцию, составляет в Ставрополе 47,8% для нелегальных видео- и аудиозаписей и 33,2% для нелегального программного обеспечения, в Туле – соответственно 60,5% и 40,3%, в Тюмени – 60,4% и 45,2%.

Реже встречается неформальный найм, в котором большинство жителей Тулы и Тюмени никогда не участвовали, да и в Ставрополе таких немногим менее половины. Круг тех, кто работал без трудового договора хотя бы время от времени, все же довольно широк – он составляет в Туле 19,5%, в Ставрополе 23,9% и в Тюмени 24,6% респондентов.

Таким образом, внезаконная хозяйственная деятельность распространена в нашей стране очень широко: 30-60% россиян регулярно пользуются услугами «торговых пиратов», примерно 20-25% россиян регулярно участвуют в теневой занятости, примерно 30-45% регулярно участвуют в неформальном производстве услуг, подавляющее большинство (до 80%) регулярно дают неформальные займы. Повседневность «экономики вне закона» приводит к тому, что нарушение закона перестает восприниматься как девиантное поведение.

«Черная» теневая экономика в постсоветской России стала генератором отношений прямого насилия и обмана, разрушающих глубинные основы любой хозяйственной деятельности. Их внедрение в бизнес-деятельность происходило путем взаимосближения элиты организованной преступности и предпринимателей.

С одной стороны, по мере укрепления политической власти и вытеснения «бандитских крыш» «милиейскими крышами» преступное сообщество трансформируется из занимающегося нелегальной правоохранительной деятельностью «теневого правительства» в сеть криминальных и полу-криминальных фирм (как это происходило ранее с зарубежными мафиозными организациями). Легализуясь как

предприниматели, экс-бандиты уменьшают применение прямого насилия, но полностью от него не отказываются.

С другой стороны, внедрение в российский бизнес теневых деловых практик, основанных на насилии и обмане, происходило путем не только коммерциализации организованной преступности, но и криминализации предпринимателей, изначально с «черной» теневой экономикой никак не связанных.

Массовая криминальность поведения российских бизнесменов прослеживается по трем направлениям: отношения с клиентами, отношения с государством, отношения с коллегами по бизнесу. Что касается отношений с клиентами, то здесь на поверхности наиболее заметен банальный, но массовый их обман. В отношениях с правительством бизнес тоже не придерживается честных «правил игры». Уклонение от регистрации сделок и уплаты налогов, подкуп правительственных чиновников, тайный вывоз капиталов за рубеж — все это стало настолько заурядным, что воспринимается как часть профессиональных навыков российского предпринимателя. Наконец, и в отношениях друг с другом бизнесмены не склонны быть слишком щепетильными. Систематическое нарушение деловых обязательств и нечестная конкуренция естественным образом дополняются (и ограничиваются) использованием услуг мафии для выбивания долгов и устранения конкурентов. Предпринимателей в 1990-е гг. убивали едва ли не так же часто, как главарей мафиозных группировок, что заставляет усомниться в существовании в тот период качественных различий между легальным и мафиозным бизнесом.

Таким образом, российская экономика 1990-2000-х гг. приобрела своего рода «пестрый» характер. Этот термин точно передает, насколько тесно в ней официальная рыночная деятельность переплелась с неофициальной, теневой, основанной на не-рыночном насилии и обмане. Произошло частичное разрушение оставшегося от СССР социального капитала: резко уменьшилось доверие — главный институт, необходимый рыночному хозяйству.

Финальная 6-я глава диссертации посвящена «**Поиску оптимальных форм противодействия развитию теневых экономических отношений**» в современной России.

Поиск оптимальных путей и методов управления развитием теневой экономики предполагает, прежде всего, определение главных причин ее развития, чтобы бороться в первую очередь именно с ними, а не с частными следствиями. Однако в объяснении причин «теневиизации» постсоветской России и, соответственно, в разработке рецептов ее «просветления» единства нет – сталкиваются две позиции (Табл. 11). Первую, связанную с неинституциональной парадигмой экономической теории, можно условно назвать «*десотианством*», поскольку этот экономико-правовой подход связан с именем перуанского экономиста Э. де Сото. Вторую, связанную с идеями «старого» институционализма, можно назвать «*мюрдализмом*»: это экономико-социологический подход, намеченный шведским экономистом-институционалистом Г. Мюрдалем. В обоих случаях первопричиной развития теневого сектора считаются сравнительно неэффективные «правила игры». Однако если «десотианцы» делают главный акцент на «плохих законах» (формальных институтах), то «мюрдалисты» - на «плохой ментальности» (неформальных институтах).

Таблица 11

**«Десотианская» и «мюрдалистская» парадигмы
анализа теневой экономики**

Основные проблемы	«Десотианство» (правовой детерминизм)	«Мюрдализм» (культурологический детерминизм)
Причина развития теневой экономики – «Кто виноват?» (точнее, «Что виновато?»)	Главная причина развития теневой экономики – несовершенство законов и правоохранительной деятельности, которые создают большие издержки для легальной защиты прав собственности	Главная причина развития теневой экономики – культурные нормы, которые рассматривают конкурентную частнопредпринимательскую деятельность как маргинальную, морально осуждаемую
Рекомендуемые меры – «Что делать?»	Для сдерживания теневой экономики необходимы де бюрократизация и широкая либерализация хозяйственной жизни в сочетании с укреплением легальной системы защиты прав собственности	Для сдерживания теневой экономики необходимо развивать те формы предпринимательства, которые одобряются традиционной хозяйственной культурой, и пропагандировать те ценности, которые стимулируют предпринимательство
Перспективы борьбы с теневой экономикой – «Когда придет желанный день?»	При проведении радикальных реформ можно добиться быстрого и крупного позитивного эффекта	Быстрое получение заметных позитивных результатов маловероятно; необходимы длительные программы, эффект которых будет проявляться лишь постепенно

«Десотианство» и «мюрдализм» можно рассматривать соответственно как оптимистический и пессимистический подходы к перспективам борьбы теневой экономики.

Если исследователь убежден, что теневая экономика порождена «плохими» законами, то борьба с ней будет представляться задачей преимущественно инструментальной: если заменить «плохие» законы «хорошими», то можно добиться быстрой легализации теневого бизнеса. Именно эта мысль звучит, явно или неявно, в работах сторонников Э. де Сото (в том числе его отечественных последователей). Конечно, они понимают, что конструирование «хороших» законов есть довольно трудный процесс. И все же преодоление криминализации экономики представляется при таком подходе одномоментным (или, по крайней мере, кратковременным) актом.

Сторонники экономико-социологического подхода к объяснению теневой экономики позицию «десотианцев» считают чрезмерно оптимистичной. Если основная причина теневых отношений – не те законы, что явно записаны в кодексах и инструкциях, а те ментальные нормы, что «записаны» в общественном сознании, то на быструю победу в борьбе с теневой экономикой рассчитывать нельзя. Вводимые в ходе правовой реформы формальные институты будут вступать в противоречие с неформальными, культурными нормами. Поэтому совершенствование общества, с точки зрения «мюрдалистов», требует долгосрочных изменений обыденных норм и стереотипов, что можно сделать лишь в течение жизни не одного поколения.

«Десотианство» указывает на непосредственные причины, в то время как «мюрдализм» – на глубокие корни данного явления. Ведь «плохие» законы возникают и устойчиво сохраняются там и тогда, где и когда никто не собирается их буквально выполнять.

Если зависимость развития теневой экономики от «плохих законов» уже многократно доказывалась в научной литературе на различных базах данных, то гипотеза о ее зависимости от ментальных норм транзитивных стран пока еще не разу не тестировалась. Диссертантом была проведена проверка наличия корреляций по Пирсону между суждениями респондентов о распространенности коррупционных

отношений (предполагается, что эти ответы в завуалированной форме показывают степень участия самих респондентов в этих отношениях) и хофстедовыми индексами респондентов (Табл. 12). Отмечена связь с двумя наиболее важными из этих индексов, индивидуализмом и дистанцией власти, что совпадает с результатами, ранее полученными исследователями при анализе зарубежных стран (Табл. 13).

Таблица 12

**Значимые корреляции по Пирсону между мнениями респондентов
о распространенности различных теневых экономических отношений*
и хофстедовыми индексами**

Виды теневых экономических отношений	Индексы Г. Хофстеда				
	Индивидуализм (IDV)	Дистанция власти (PDI)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)	Конфуцианский динамизм (CDI)
«Вторая» теневая экономика					
Использование рабочего времени в личных целях			0,128	- 0,113	
Использование казенного имущества в личных целях				- 0,107	
Подношения ответственным лицам	- 0,112	0,156			
Подношения ответственным лицам под их давлением		0,125			
Выплата зарплаты из «черной кассы», без выплаты налогов	- 0,117				- 0,100
«Серая» теневая экономика					
Кредитование знакомым без расписки				- 0,139	
Предоставление услуг без формального договора					- 0,124
Предоставление услуг без выплаты налогов				- 0,122	- 0,148

* Речь идет об ответах респондентов на вопросы «Как вы считаете, насколько часто в жизни происходят следующие явления...?»

Таблица 13

**Сравнение разных оценок зависимости восприятия
коррупционных отношений от хофстедовых индексов**

Оценки	Высокий уровень коррупции наблюдается, если хофстедовы индексы			
	Индивидуализма (IDV)	Дистанции власти (PDI)	Маскулинности (MAS)	Избегания неопределенности (UAI)
«Transparency International», 1998 г.	Будут низкими	Будут высокими	Будут, предположительно, высокими	Будут высокими
Б. Хастид, 1999 г.	Будут низкими	Будут высокими	Будут низкими	Связь не отмечена
Исследование диссертанта, 2004 г.	Будут низкими	Будут высокими	Связь не отмечена	Связь не отмечена

Получены значимые корреляции и для некоторых других видов теневых экономических отношений (использование служебных ресурсов в личных целях, приобретение контрафактной продукции и др.).

Критической оценке неоинституциональной парадигмы теневых экономических отношений служит проведенный в диссертации анализ роли правоохранительных органов в системе формальных институтов, контролирующих и сдерживающих теневую экономику. Показано, что прогибиционистская политика, основанная на вере в силу формального закона, практически никогда не давала успешного результата. Более того, занимающиеся «наведением порядка» правоохранительные органы имеют тенденцию активно втягиваться в теневые экономические отношения.

Как доказывает диссертант, добиться реальных успехов в сдерживании теневой экономики удастся лишь тогда, когда формальные запреты опираются на систему неформальных норм деловой этики и запретов на нарушения правил хозяйственной деятельности.

В финале диссертации автор предлагает рассматривать как основные направления противоборства с теневой экономикой следующие меры социальной инженерии, направленные на изменение ментальных стереотипов:

- 1) формирование позитивного образа легальной хозяйственной деятельности – представлений о бизнесе как сфере честной конкуренции и социальной ответственности, а не соревнований в обмане;
- 2) формирование негативного образа теневой экономики – осуждающего отношения к тем видам хозяйственной деятельности, которые связаны с нарушением закона;
- 3) формирование представлений о дозволенности и моральности инициативной помощи рядовых граждан правоохранительным органам в пресечении теневой экономической деятельности.

Важность этих мер доказывается от противного – демонстрацией того, что в современном российском обществе преобладают противоположные тенденции, что и создает ощущение «неискоренимости» теневых отношений.

Действительно, в 1990-е гг. сформировался порочный круг отчуждения российского бизнеса от общества (Рис. 2), что привело к превращению бизнеса в зону едва ли не тотального нарушения закона. Лишь в 2000-е гг. появились признаки улучшения имиджа предпринимателя в глазах рядовых российских граждан, что дает надежду на постепенную декриминализацию бизнеса.

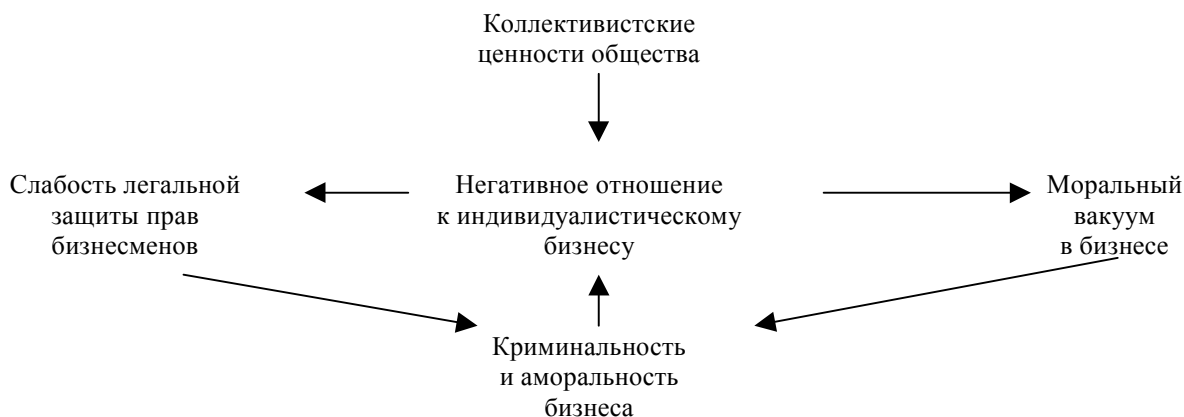

Рис. 2. Порочный круг отчуждения российского бизнеса от общества

Таблица 14

Степень критичности мнений респондентов о допустимости «серой» теневой экономики

Виды теневых экономических отношений	Мнения респондентов					
	Доля респондентов (%), отвечавших «нет» или «скорее нет» на вопросы о допустимости теневых отношений			Медиана ответов		
	Став.	Тула	Тюм.	Став.	Тула	Тюм.
Респондент выступает в роли покупателя						
Продажа нелегализованной продукции (пиратское видео, аудио)	83,7	69,4	73,1	Нет	Скорее нет	Нет
Продажа нелегализованного программного обеспечения	82,3	71,9	71,1	Нет	Скорее нет	Нет
Респондент выступает в роли работника						
Работа без трудового договора.	36,5	16,2	28,0	В одинаковой степени и то и другое	Скорее допустимо	В одинаковой степени и то и другое
Респондент выступает в роли производителя						
Одалживание денег знакомым в долг без расписки.	22,1	9,2	13,5	В одинаковой степени и то и другое	Скорее допустимо	Скорее допустимо
Предоставление услуг без формального договора	25,4	13,8	27,7	В одинаковой степени и то и другое	Скорее допустимо	В одинаковой степени и то и другое
Предоставление услуг без выплаты налогов	28,2	14,2	24,3	В одинаковой степени и то и другое	Скорее допустимо	Скорее допустимо

Организованный диссертантом в 2003-2004 гг. социологический опрос в трех городах России показал, что если относительно повседневной «второй» теневой экономики у россиян в целом преобладает осуждение, то по поводу повседневной «серой» теневой экономики ситуация гораздо менее однозначна (Табл. 14).

Доля покупателей пиратских товаров, согласно опросу, примерно вдвое превосходит долю тех, кто это осуждает. Следовательно, в данной сфере теневые отношения развиты выше того уровня, которое общество готово признать допустимым. Зато в сфере неформального производства ресурс одобрения теневых отношений использован далеко не полностью. Те отношения, в которых «простые люди» выступают в роли производителей неформальных благ, могут расширяться вдвое (в области одалживания денег и предоставления услуг без договора) и даже втрое (в области безналогового предоставления услуг), пока доля неформальных производителей сравняется с долей одобряющих эти отношения. Лишь в сфере работы без трудового соглашения фактическая распространенность явления примерно соответствует тому, с чем люди готовы согласиться.

Таким образом, терпимость современных российских граждан к многим теневым экономическим практикам следует оценить как довольно высокую, что заставляет говорить о принципиальной невозможности их быстрого сокращения. Чтобы действия правоохранительных органов были успешны, им следует концентрировать свои усилия на наиболее осуждаемых видах теневой экономики, минимизируя действия против тех, которые считаются относительно допустимыми.

Проблема высокой терпимости россиян к теневым практикам приобретает острую актуальность в связи с необходимостью усиления борьбы с коррупцией. Для выяснения отношения россиян к коррупции во время общероссийского социологического опроса, проводимого ИС РАН летом 2007 г. с участием диссертанта, респондентам задавали закрытый вопрос «Представьте себе, что все чиновники в России разом перестали брать взятки. Как это может, на Ваш взгляд, повлиять на решение проблем простых людей?» Результаты оказались парадоксальными. Только 40,3% респондентов выбрали ответ «Людям станет проще решать свои проблемы».

15,1% дали противоположную оценку, полагая, что «людям станет сложнее решать свои проблемы». 33,0% респондентов посчитали, что «это существенно не повлияет на то, как решаются проблемы простых людей», остальные затруднились ответить. Эти данные свидетельствуют, что от россиян можно ожидать одобрения усиления борьбы с коррупцией, но одобрения отнюдь не абсолютного. Почти половина россиян (те, кто не ждет от такой борьбы облегчения в решении своих проблем) могут оказать противодействие антикоррупционным программам властей.

В противоборстве с теневыми экономическими отношениями правоохранительные органы обязательно должны опираться на поддержку граждан, для стимулирования которых следует использовать и моральное, и материальное поощрение. В этой связи показателен *«синдром Павлика Морозова»*: шумное и гиперкритическое обсуждение в конце 1980-х – начале 1990-х гг. этого «советского мифа» заблокировало возможность широкого использования помощи добровольных информаторов (по образцу, например, США). Для повышения эффективности борьбы с теневой экономикой в ближайшем будущем необходимо будет организовывать специальные компании в СМИ, целенаправленно популяризируя «виджилантизм». Большое значение для формирования у россиян привычки «играть по правилам» имеет борьба с «читингом» в системе образования, поскольку в настоящее время общепринятые практики массового обмана делают школы и вузы своего рода «школами» теневой деятельности.

Таким образом, диссертация доказывает активную роль теневой экономики в развитии *любого* общества. Это требует качественного переосмысления мер по ее регулированию, которые принципиально не должны становиться монополией одних только правоохранительных органов.

В «Заключении» отмечается, что в соответствии с поставленной целью в диссертации удалось комплексно раскрыть функции теневых экономических отношений в институциональном развитии общества и сформулировать принципы эффективного противодействия развитию теневой экономики.

Основные положения диссертации отражены в 61 авторской публикации, в т.ч. в 3-х монографиях и книгах (из них две в соавторстве), 17-ти статьях, опубликованных в ведущих научных журналах, обозначенных в списке ВАК (из них восемь в соавторстве), 6-ти учебниках и учебно-методических пособиях (из них пять в соавторстве).

Общий объем публикаций по теме диссертации составил 149,2 п.л., личный вклад соискателя в эти работы составляет 101,1 п.л.

Основными из них являются следующие.

Монографии:

1. Латов Ю.В. Экономика вне закона. Очерки по теории и истории теневой экономики. М.: МОНФ, 2001. – 12,3 п.л.

Книги:

1. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). М.: МОНФ, 2001; 2-е изд. М.: МОНФ, 2003. Введение, гл. 2 (2.1, 2.2, 2.4), 8 (8.1, 8.2), 11. (В соавторстве с: Нуреев Р.М., Балабанова Е.С., Латова Н.В.) – 10,0 п.л. / 7,0 п.л.

2. Латов Ю.В., Латова Н.В., Николаева С.И. Повседневная теневая экономика и национальная экономическая ментальность в постсоветской России: Взаимосвязь индексов Г. Хофстеда и индикаторов теневой экономической деятельности. М.: ДиректМедиа, 2005. – 7,2 п.л. / 2,4 п.л.

Научные статьи, опубликованные в периодических изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Латов Ю.В. Экономическая теория преступлений и наказаний («экономические империалисты» в гостях у криминологов) // Вопросы экономики. 1999. № 10. - 1,2 п.л.

2. Латов Ю.В. Длинные «тени» общества «светлого будущего»: два опыта интерпретации // Вопросы экономики. 2000. № 8. - 1,0 п.л.

3. Латов Ю.В. Особенности национального рэкета: история и современность // Мир России. 2001. № 3. - 2,5 п.л.

4. Латов Ю.В. Экономика развития – для развивающейся России // Вопросы экономики. 2002. № 3. - 0,6 п.л.

5. Латов Ю.В., Нестик Т.А. Что виновато – «плохие» законы или культурные традиции? // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. - 1,2 п.л. / 0,6 п.л.
6. Латов Ю.В. Криминальная глобализация в капиталистической мир-экономике // *Вестник Московского университета МВД России*. Вып. 1. М., 2003. - 0,4 п.л.
7. Латов Ю.В., Латова Н.В. Экономические субъекты постсоветской России: виртуализация экономико-социологического анализа // *Социологические исследования*. 2004. № 5. - 0,2 п.л. / 0,1 п.л.
8. Латов Ю.В. Власть-собственность в средневековой России // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2004. Т. 2. № 1. - 1,6 п.л.
9. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Теория зависимости от предшествующего развития в контексте институциональной экономической истории // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2005. № 3. - 0,3 п.л. / 0,2 п.л.
10. Латов Ю.В. Функции теневой экономики как институциональной подсистемы // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2006. Т. 4. № 1. - 1,9 п.л.
11. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Что такое path dependence и как ее изучают российские экономисты // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. - 1,3 п.л. / 0,6 п.л.
12. Латов Ю.В., Латова Н.В. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда // *Мир России*. 2007. № 4. - 1,8 п.л. / 0,9 п.л.
13. Латов Ю.В. Российская теневая экономика в контексте национальной экономической безопасности // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2007. Т. 5. № 1. - 1,2 п.л.
14. Латов Ю.В., Латова Н.В. Обман в учебном процессе (опыт шпаргалкологии) // *Общественные науки и современность*. 2007. № 1. - 1,4 п.л. / 0,7 п.л.
15. Латова Н.В., Латов Ю.В. Особенности «вестернизации» ментальности студенчества модернизирующихся стран // *Социологические исследования*. 2007. № 11. - 1,1 п.л. / 0,5 п.л.
16. Латов Ю.В. Экономический анализ терроризма // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5. - 1,7 п.л.

17. Латова Н.В., Латов Ю.В. Этнометрический подход к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей // Вопросы экономики. 2008. №5. - 1,5 п.л. / 0,8 п.л.

Научные статьи, опубликованные в других изданиях

России и стран ближнего зарубежья:

1. Латов Ю.В. «Черная» теневая экономика – экономика организованной преступности // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в новых экономических и социальных условиях. Сб. науч. трудов. М.: ЮИ МВД РФ, 1997. – 0,7 п.л.

2. Латов Ю.В. Преступность, рациональность и эффективность в политике (концепции теории общественного выбора) // Преступность: стратегия борьбы. М.: Криминологическая Ассоциация, 1997. – 0,5 п.л.

3. Латов Ю.В. Российская экономическая культура и криминальное поведение в бизнесе // Преступность и культура общества. М.: Криминологическая Ассоциация, 1998. – 0,2 п.л.

4. Латов Ю.В. Экономико-правовые концепции неинституционализма (Часть II. Теория преступлений и наказаний) // Вестник Юридического института МВД РФ. 1998. Вып. 2. Казань: ЮИ МВД РФ, 1998. - 1,2 п.л.

5. Латов Ю.В. Неформальная экономика как глобально-историческое явление // Теневая экономика: экономический и социальный аспекты. Проблемно-тематический сб. М.: ИНИОН, 1999. - 0,4 п.л.

6. Латов Ю.В. Эволюция исследований неформального сектора экономики за рубежом // Теневая экономика: экономический и социальный аспекты. Проблемно-тематический сб. М.: ИНИОН, 1999. - 2,6 п.л.

7. Латов Ю.В. Теневая экономика времен гражданской войны – общее и особенное // Теневая экономика: экономический и социальный аспекты. Проблемно-тематический сб. М.: ИНИОН, 1999. - 1,0 п.л.

8. Латов Ю.В. Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей // Истоки. Вып. 4. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. - 2,7 п.л.

9. Латов Ю.В. «Воры в законе» как субъекты рыночной модернизации в России // Кто и куда стремится вести Россию? М.:МВШСЭН, 2001. – 0,4 п.л.

10. Латов Ю.В. Предприниматели и чиновники России – неразлучные враги или заклятые друзья? // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. – 0,4 п.л.

11. Латов Ю.В. Организованная преступность постсоветской России – государство в государстве? // Экономическая теория преступлений и наказаний. Реферат. журнал. Вып. 4. Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. Часть 2. Статьи. Библиография. Под ред. Л.М. Тимофеева и Ю.В. Латова. М.: РГГУ, 2002. – 1,1 п.л.
12. Латов Ю.В. Контрабанда – тень на дне пропасти между богатым Севером и бедным Югом // Экономическая теория преступлений и наказаний. Вып. 5. Криминальная глобализация экономики. Часть 1. Контрабанда – ведущий международный криминальный промысел. Под ред. Л.М. Тимофеева и Ю.В. Латова. М.: РГГУ, 2002. – 0,9 п.л.
13. Латов Ю.В. Опиумный наркобизнес в капиталистической мир-экономике // International Police Association против наркотиков. Тула, 2003. - 0,5 п.л.
14. Латов Ю.В. Плюралистическая система защиты прав собственности российских предпринимателей // Куда пришла Россия?.. Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. – 0,4 п.л.
15. Латов Ю.В. Конкуренция в силовом предпринимательстве: милиция против бандитов // Экономическая деятельность работников милиции: масштабы, причины и последствия. Материалы международной конференции, 13-14 февраля 2003 г., г. Москва. М., 2003. Часть I. – 0,4 п.л.
16. Латов Ю.В. Социальные конфликты и экономика: видимость и сущность // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование технологии разрешения. Вып. 20. М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 0,8 п.л.
17. Латов Ю.В. Антикапиталистическая ментальность россиян – барьер на пути легализации // Неприкосновенный запас. 2003. № 3 (29). – 0,6 п.л.
18. Латов Ю.В. Предприниматели России – обреченные на конфликт // Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. М.: УРСС, 2005. – 0,9 п.л.
19. Латов Ю.В., Латова Н.В., Николаева С.И. Повседневная российская коррупция и хозяйственная культура // Экономика преступлений и наказаний. Под ред. Ю.В. Латова. Вып. 7(2). Экономика коррупции. М.: РГГУ, 2005. – 0,8 п.л. / 0,3 п.л.
20. Латов Ю.В. Конкуренция «бандитских» и «милицейских крыш» в силовом предпринимательстве // Экономика преступлений и наказаний. Под ред. Ю.В. Латова. Вып. 7(2). Экономика коррупции. М.: РГГУ, 2005. – 0,4 п.л.

21. Латов Ю.В., Латова Н.В. Экономическая ментальность как неформальный институт российской экономики // Постсоветский институционализм. Донецк: «Каштан», 2005. – 1,4 п.л. / 0,7 п.л.
22. Латов Ю.В. Прогибиционизм как экономический институт капиталистической эпохи // Историко-экономические исследования. 2005. Т. 6. № 3. – 0,8 п.л.
23. Латов Ю.В. Неформальные институты, регулирующие теневую экономику // Научные труды Донецкого национального технического университета. Сер. Экономическая. Вып. 103 – 1. – 0,6 п.л.
24. Латов Ю.В. Борьба с нелегальной миграцией в контексте экономической теории преступности // Экономика преступлений и наказаний. Вып. 8. Нелегальная миграция в современной России. М.: РГГУ, 2006. - 0,7 п.л.
25. Латов Ю.В. Роль теневой экономики в социально-экономической истории // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7. № 3. - 1,9 п.л.
26. Латов Ю.В. Двойной дуализм советской и российской экономики (к 30-летию концепций «второй экономики») // Научные труды Донецкого национального технического университета. Сер. Экономическая. Вып. 31 – 1 (117). Донецк, 2007. - 0,5 п.л.
27. Латов Ю.В. Уклонение от налогов в институциональной системе постсоветской России // Монго Санху. 2007. № 2 (Улан-Батор). - 0,5 п.л.
28. Латов Ю.В., Кунцевич В.П. Теневая экономическая деятельность как фактор недобросовестной конкуренции (на примере коррупции) // Гуманітарна-эканамічний веснік. 2007. № 2. - 0,5 п.л. / 0,2 п.л.
29. Латов Ю.В. Терроризм как экономический институт: причины формирования, основные типы, последствия // Теневая экономика. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности: Ежегодник. 2007. М.: РГГУ, 2008. - 2,5 п.л.
30. Латов Ю.В. Образ коррупции в общественном сознании россиян // Противодействие коррупции: проблемы и перспективы реализации региональной антикоррупционной политики. Материалы межвузовского научно-практического семинара 7 декабря 2007 года. Казань, ЗАО «Новое знание», 2008. - 1,0 п.л.
31. Латов Ю.В., Латова Н.В. Этнометрический подход к анализу детерминант коррупции // Противодействие коррупции: проблемы и перспективы реализации региональной

антикоррупционной политики. Материалы межвузовского научно-практического семинара 7 декабря 2007 года. Казань, ЗАО «Новое знание», 2008. - 0,6 п.л. / 0,3 п.л.

32. Латов Ю.В. Экономический анализ терроризма (аналитические материалы) // Актуальные вопросы подготовки кадров в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма: Материалы круглого стола. Вып.1. М.: Международный учебно-методический центр финансового мониторинга, 2008. - 2,8 п.л.

Научные статьи, опубликованные на иностранных языках:

1. Latov Y. An Economic Theory of Crime and Punishment // Problems of Economic Transition. Aug2000. Vol. 43. Is. 4. - 2,5 п.л.

2. Latov Y., Latova N. The Russian Economic Mentality in the World Context // Sociological Research. 2003. Vol. 42. № 1. - 1,2 п.л. / 0,6 п.л.

3. Latov Y., Nestik A. «Bad» Laws or Cultural Traditions? // Social Sciences. 2003. Vol. 34. № 1. - 1,2 п.л. / 0,6 п.л.

Учебники, учебно-методические пособия:

1. Латов Ю.В. Экономический анализ организованной преступности (лекция к спецкурсу «Теневая экономика») // М.: ЮИ МВД России, 1997. - 3,0 п.л.

2. Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Экономика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Книжный мир, 2004. - 16,8 п.л. / 8,4 п.л.

3. Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика: Учебное пособие для курсантов и студентов высших учебных заведений. М. – Тула, 2004. - 14,5 п.л./ 7,3 п.л.

4. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Институционализм в новой экономической истории // Институциональная экономика: Учебник / Под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2005. М.: РЭА, 2007. - 2,6 п.л. / 1,3 п.л.

5. Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика. Учебное пособие. М.: Норма, 2005, 2006. - 15,0 п.л. / 7,5 п.л.

6. Вуколова Т.С., Латов Ю.В., Ковалев С.Н., Латова Н.В. Девиантное поведение: социологическое осмысление. Учебное пособие для курсантов и студентов высших учебных заведений. Москва-Тула, 2006. - 11,3 п.л. / 3,8 п.л.

